

УДК: 94(470.5

DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-87-114

А. М. Сафронова

СЛОВЕСНАЯ ШКОЛА КУНГУРА: СОСТАВ УЧАЩИХСЯ И ИХ СУДЬБА (1736–1740)

Аннотация: В статье на основе комплекса архивных документов, впервые вводящихся в научный оборот, сравнительного анализа материалов переписи, ведомостей об успехах учащихся, впервые реконструируется организация и деятельность словесной школы г. Кунгура, о которой, по сути, ничего не известно в литературе. Раскрывается особое положение этого учебного заведения, открытого по инициативе В. Н. Татищева, в системе школ горнозаводского ведомства. Это была единственная школа, действовавшая в городе, а не заводском поселке, подчинявшаяся не заводской конторе, а Пермской земской. Ее отличал особый социальный состав учащихся — в ней обучались дети подьячих, священников и церковнослужителей, проживавших на территории Кунгурского уезда. Если дети заводских работников, составлявших большинство в горнозаводских школах, начинали школьное обучение с азбуки, за редким исключением, то 60 % учеников Кунгурской школы обучались грамоте еще на дому. Особенностью школы при зачислении был высокий процент юношей от 15 до 20 лет. Только в этой школе никто из учеников не получал казенного жалованья. Большинство из них были взяты из сел и острожков Кунгурского уезда и учились вдали от дома без какой-либо поддержки со стороны горной власти, даже сироты. Взамен и духовенство, и подьячие могли определять своих сыновей на службу по своему желанию, а не по предписанию властей. Но при этом Канцелярия Главного заводов правления пыталась контролировать распределение учеников к делам. Она использовала обученных письму учеников Кунгурской школы для пополнения немецкой и латинской школ Екатеринбурга, поэтому лишь в 1740 г. в Кунгуре началось обучение детей арифметике. Удалось установить судьбу большей части учеников этой школы: число уволенных в Вятскую архиерейскую школу в 1736 г., переведенных в немецкую и латинскую школы Екатеринбурга, продолживших обучение в арифметической школе Кунгура, определенных к делам в Пермскую земскую контору и Пермскую провинциальную контору. Школа перестала действовать в 1740 г. в результате запрета обучать детей духовного ведомства в горнозаводских школах, поступившего из Святейшего Правительствующего Синода и Генерал-берг-директориума. Требуется дополнительных разысканий судьба последних шести человек, оставшихся в школе после увольнения 15 детей духовенства и отправки их в Вятскую архиерейскую школу в 1740 г.

А. М. Сафронова

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Урал, горнозаводские школы, Кунгурская словесная школа, состав учащихся, судьба учеников

Цитирование: Сафронова А. М. Словесная школа Кунгура: состав учащихся и их судьба (1736–1740) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 40. С. 87–114. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-87-114

Сведения об авторе: Сафронова Алевтина Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: 0000-0002-4692-3025 (Россия, г. Екатеринбург). E-mail: Alevtina.Safronova@gmail.com

Поступила в редакцию 06.09.2022

Принята к публикации 22.11.2022

Город Кунгур возник в 1648 г. как опорный пункт Российского государства, в 1671 г. стал центром Кунгурского уезда, с 1737 г. — центром Пермской провинции¹. Именно в Кунгуре в 1720 г. прибывший на Урал В. Н. Татищев создал первый в России региональный центр управления заводами, Канцелярию горных дел, в декабре переместившуюся на Уктусский завод. В Кунгуре и при Уктусском заводе в 1721 г. были открыты первые арифметические школы горного ведомства. Этот город был избран не случайно — в нем и в Кунгурском уезде легче было найти грамотных детей, способных обучиться арифметике, а потом и горнозаводским делам, чтобы трудиться в канцеляриях и конторах². Эта школа по предписанию Берг-коллегии была слита в 1725 г. с Екатеринбургской арифметической, и с этого года по 1734 на горнозаводском Урале действовали лишь две школы в Екатеринбурге — словесная и арифметическая.

Прибыв на Урал во второй раз в качестве начальника заводов, В. Н. Татищев сразу же приступил к организации школ при всех казенных предприятиях, о чем сообщил Кабинету министров в первом же доношении на следующий день после принятия команды над заводами от В. И. Геннина, 9 октября 1734 г.: «А ныне я велел по-прежнему при всех заводах и в Кунгуре школы возобновить и сверх того у Соли Камской такую ж учредить»³.

О словесной школе, действовавшей в Кунгуре, по сути, ничего не известно в литературе. В. И. Будрин привел данные о числе ее учащихся в таблице, касающейся всех заводских школ: в 1736 г. — 24 ученика, 1737 — 23, 1738 — 37,

¹ Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С. 300.

² См.: Сафронова А. М. Первые арифметические школы Урала (1721–1725) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 1. С. 118–132. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.008.

³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 27.

1739 — 33 и 1740 г. — 24 ученика⁴, но по ведомостям эти данные отличались: в 1736 г. например, было от 43 до 33 учеников. Нами были установлены даты открытия и закрытия словесной и арифметической школ⁵, показана судьба некоторых учащихся, отозванных в Екатеринбургскую латинскую школу⁶.

Между тем, каждая из школ горного ведомства на Урале имела свои особенности, при этом Кунгурская очень сильно отличалась от открытых при заводах. Она была единственной действовавшей в городском центре, что наложило на нее свой отпечаток; главное же, как мы постараемся показать, в ее отношении горнозаводские власти проводили особую политику — даже орган управления ее деятельностью был другим, не заводская контора, а земская. И причины завершения ее деятельности отличались от других школ. Поэтому мы поставили целью реконструировать историю организации этой школы на основе архивных документов, большинство которых впервые вводится в научный оборот, и раскрыть ее особенности в системе школ горнозаводского ведомства.

В качестве источников были использованы указы Канцелярии Главного заводов правления, ее определения, личные распоряжения В. Н. Татищева о школах, зафиксированные в делопроизводстве его личной канцелярии как начальника заводов, материалы переписи детей Кунгурского уезда, доношения Пермской земской конторы в канцелярию, ведомости школы об успехах ее учащихся, составлявшиеся сначала по месяцам, а с конца 1736 г. — по третям года. Ведомости позволили проследить изменения в количестве учащихся школы, их социальном, возрастном составе, дальнейшей судьбе учеников. Привлекались и прошения учащихся, их родителей, материалы инспекторской поездки ректора екатеринбургских школ Б. Штермера в Кунгур в 1736 г. Важное значение для выяснения судьбы школы имеют указы Синода и Генерал-берг-директориума 1739–1740 гг., касавшиеся запрета обучения детей священно- и церковно-служителей в школах горного ведомства.

В. Н. Татищев заговорил о своих планах открыть школу в Кунгуре наряду с заводскими в октябре 1734 г. Доношение В. Н. Татищева об этом заслушивалось в Кабинете министров 14 декабря, план открытия школ получил полную поддержку: «О учреждении для обучения арифметики и геометрии в Кунгуре и по всем заводам и у Соли Камской быть по определению вашему...». Кабинет-министры одобрили и открытие немецкой школы в Екатеринбурге, обещали прислать учителя и необходимые учебные пособия от Академии наук⁷. В конце октября

⁴ Будрин В. И. Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Мат-лы второй научн. конф. по истории Екатеринбурга-Свердловска (26–29 мая 1948 г.). Свердловск, 1950. С. 73.

⁵ Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург, 2014. С. 287.

⁶ Сафронова А. М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург, 2020.

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 37 об.

В. Н. Татищев задумал открыть наряду с немецкой и латинскую школу. Об этом свидетельствует доношение, поданное в канцелярию ее членом Игнатием Юдиным: «Сего октября, 28 дня, приказал его превосходительство... Татищев собрать в школы, в латинскую — всего ведомства поповых детей, в немецкую — подьяческих и надзирательских детей». И. Юдин просил Канцелярию издать об этом указ⁸. Открытие через год, в ноябре 1735 г., первых на Урале иноязычных школ оказало большое влияние на судьбу будущих учеников Кунгурской школы.

21 октября 1734 г. В. Н. Татищев «с товарищи» приняли решение о проведении переписи «годных в научение детей» от шести лет и выше на территории заводского ведомства и обратились к властям Сибирской губернии о проведении переписи в некоторых городах и уездах. В ответ на требование уральского начальства переписать подьяческих и церковничьих детей от 5 до 20 лет в апреле 1735 г. поступило доношение из Соликамской провинциальной канцелярии. Подьяческих детей набралось 22 человека, но в отношении церковничьих воевода Кунгура ответил, что Кунгурский духовный приказ без позволения епископа Вятского и Великопермского «описать оных и ведомость послать опасны, для того что у священно- и церковнослужителей дети были описаны, и отосланы в Хлынов в духовную школу и отданы отцам их до указу на поруки»⁹.

Организацию школы в Кунгуре власти поручили не Пермскому горному начальству (бывшему Пермскому бергамту, переведенному В. Н. Татищевым с Пыскорского завода на Егошихинский), а Пермской земской конторе, ведавшей приписными крестьянами и организацией их работ при пермских заводах. Пермскому горному начальству вместе с подчиненными ему заводскими конторами полагалось заниматься обучением детей, проживавших при Егошихинском и Пыскорском заводах и начавших строиться Висимском и Юговском. Пермская же земская контора располагалась в городе Кунгуре, и ей сподручнее было собирать в школу детей с территории города и Кунгурского уезда, поскольку предполагалось обучать в ней в первую очередь детей подьячих и духовенства, а большинство священников и церковнослужителей служили в церквях уездных сел и острожков. К тому же глава этой конторы капитан Лукьян Житков донес Татищеву, «что в Кунгуре многие попов дети и внучата давно от церквей отлучились и в поголовной оклад не положены, чтоб оных переписать во всем уезде и городе». В ноябре — декабре 1735 г. решение об этом было принято, приказывалось: детей не служащих церковнослужителей, не положенных в оклад, «положить», а действительно служащих, в оклад включенных, «не выключать»¹⁰.

Приготовления к открытию школы в Кунгуре велись медленно. Только в июле 1735 г. через Екатеринбургскую судных и земских дел контору был от-

⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 298.

⁹ Там же. Л. 275–278.

¹⁰ Там же. Оп. 12. Д. 227. Л. 153; Оп. 1. Д. 624. Л. 289 об.

правлен в Пермскую земскую первый указ канцелярии: «...велено в Кунгуре устроить школу и содержать земскому судье для обучения церковничьих детей». Земским судьей и был в это время Лукьян Житков. О поступившем указе канцелярии мы узнаем из доношения Л. Житкова, которым он запрашивал: «...ис каких доходов школу построить и откуда для обучения арифметика и геометрии учителя требовать, понеже здесь к тому умеющих способных не имеетца, и для обучения к словесному и к письму, хотя такие учителя и сыщутца, а на каком коште их и учеников содержать, того в указе не показано, и чтоб о том благоволено было прислать указ»¹¹. 31 августа доношение Л. Житкова поступило в Екатеринбургскую судных и земских дел контору, но она отмолчалась.

Через два месяца, 28 октября 1735 г., Пермская контора отправила повторный запрос в Екатеринбургскую контору, 7 ноября он был получен и только 3 декабря рассмотрен уже на заседании Канцелярии Главного заводов правления В. Н. Татищевым и И. Юдиным, назначенным ответственным от имени канцелярии за организацию школ¹². Причем рассмотрен после того как 27 ноября в дневальной книге личной канцелярии В. Н. Татищева было зафиксировано его представление уральскому начальству, что И. Житков ответа на свой запрос не получил, «чтоб тотчас же рассмотрели»¹³.

В составленной подканцеляристом для заседания справке констатировалось, что новыми заводскими штатами 1735 г. при Пермском горном начальстве положено быть школе, но денежная сумма заложена лишь на 1736 г. — 1 200 руб., при этом школы в Кунгуре и суммы на ее содержание не показано. С разработкой штатов спешили, 24 марта они были отправлены Анне Иоанновне для апробации¹⁴, поэтому ситуация оказалась каверзная. На заседании канцелярии 3 декабря 1735 г. В. Н. Татищев «с товарищи» определили: «...впредь о касающихся до школ делах, как ему, Житкову, так и протчих дел управителям, писать в Канцелярию Главного заводов правления, а не в земскую кантору, как он, Житков, представлял, ибо школы во оной не ведомы»¹⁵. По этому поводу в Контору судных и земских дел сразу же был отправлен указ, и по прошествии трех месяцев контора определила: «...которые дела, также и имянные росписи имеютца о школах в канторе..., оным учинить опись и объявить при доношении в канцелярию...»¹⁶. Вопрос о материальном содержании школы тоже был рассмотрен. Школу предписывалось строить на казенные деньги, жалование учителям и ученикам про-

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577 а. Л. 305.

¹² Там же. Л. 308 об.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 251.

¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 306; РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 78.

¹⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а. Л. 308 об.

¹⁶ Там же. Д. 624. Л. 198.

изводить по определению 8 февраля 1735 г., «деньги, сколько куда потребно будет, брать ему, Житкову, из Пермского горного начальства»¹⁷.

Указом канцелярии от 5 декабря 1735 г., поступившем непосредственно в Пермскую контору 15 числа, во второй раз предписывалось: «...в Кунгуре учредить школу и обучать управительских и протчих чинов, и поповских, и церковнослужительских детей, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрать, обучать невзирая ни на какие их отговорки, хотя и показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы, и как собраны будут, по тому ж обучать». Также требовалось «о школьных учениках, сколько их в зборе есть и которые записаны, а не собраны, также и об учителях, кто охотники есть и за какую плату при том быть желают, прислать во оную канцелярию ведомость и имянной список. И о школе, какова надобна, и где по усмотрению построить надлежит, также управительскому построенному дому учиня, прислать к рассмотрению чертеж»¹⁸. Таким образом, только во второй половине 1735 г. уральским начальством было издано два специальных указа об открытии Кунгурской школы.

К декабрьскому указу прилагалась копия важного и большого по объему определения канцелярии от 8 февраля 1735 г., которым устанавливались размеры жалованья учащимся будущих заводских школ, чьи отцы получали в год менее 25 руб., а взятым из других населенных пунктов, — и при более высоких окладах отцов: в словесных школах — 3 руб. в год, в арифметических — 4 руб.; оклады учителей в словесных школах устанавливались по 18 руб. в год, в арифметических — по 24 руб. Оговаривалось, что дети, не получавшие жалованья, могли определяться к делам по воле родителей, а имевшие его — по рассуждению канцелярии¹⁹.

Пермская земская контора к концу декабря завершила перепись «имеющимся в Кунгурском уезде церковничьим детям, не служащим при церквях и неопределенным к делам, и кои подушных денег не платят» и 4 января 1736 г. отправила ее результаты в Екатеринбург²⁰. В «переписи» были учтены дети попов, дьяконов, дьячков, пономарей, в том числе уже умерших, а также их братья, племянники. У умершего попа Кротова записали трех детей и трех внуков от старшего сына, учили детей одного сторожа, видимо, служившего при церкви.

Переписью были охвачены приписные к заводам села и острожки ведомства Пермской земской конторы — Троицкое, Тихоновское, Златоустовское,

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 460–460 об. Текст определения канцелярии от 3 декабря 1736 г. реконструирован нами на основе двух выписок и указа от 5 декабря.

¹⁸ Содержание указа реконструировано на основе цитирования его текста в двух доношениях, отправленных Пермской конторой в Екатеринбург: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 336, 58.

¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 62–65.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 84–86 об.

Рождественское, Степановское, Ильинское, Торговижское, «ведомства Кунгурской воеводской канцелярии» села Опачевка, Покровское, Егорьевское, Преображенское, Богородское, Введенское, Стретенское, Спасское, Вознесенское, Филипповское, Петровское, Медянский и Покровский острожки: всего 20 населенных пунктов Кунгурского уезда. Возраст учтенных переписью указывался в двух колонках — от 6 до 15 лет и от 15 до 40; в первой оказалось 42 человека, по возрасту годных в школу, во второй — 68 человек. т. е. всего было учтено 110 человек. 23 января 1736 г. на заседании канцелярии заслушивались итоги этой переписи, решено было «о церковничьих детях, выписав, предложить»²¹.

Еще до открытия школы в Кунгуре с территории уезда, как и заводских поселков, в Екатеринбург стали вызываться дети духовенства для обучения в действовавшей там словесной школе. Первый вызов произошел по определению канцелярии от 8 февраля 1735 г.: «...здесь же и других заводов и дистриктов детей поповых и церковничьих, которые хотя написаны и в архиерейскую школу, всех собрать и выслать сюда, невзирая ни на какие их отговорки, хотя показывать будут, что оные назначены в архиерейские школы»²². Нам, к сожалению, не удалось установить, кто был выслан в 1735 г. из Кунгурского уезда, кроме одного подростка, просившего о переводе его в Кунгурскую школу после ее открытия.

В дневальной книге канцелярии В. Н. Татищева за 7 января 1736 г. зафиксировано второе распоряжение об этом, касавшееся Кунгурского уезда: «Послан указ к капитану Житкову о высылке обретающихся в каманде ево церковничьих детей всех от 7 до 15 лет»²³. В делопроизводственных выписках канцелярии мы нашли копию этого документа: «Указ е. и. в. самодержицы всероссийской от действительного статского советника Татищева капитану Житкову. Обретающихся в каманде вашей церковничьих детей всех от семи до пятнадцати лет выслать сюда в школу в самой скорости, а ниже семи лет от пяти, которые в городе и близ города верст до десяти, тех обучать тамо в Кунгурской школе»²⁴.

Таким образом, по замыслу В. Н. Татищева предполагалось, что Кунгурская школа будет обучать лишь самых младших детей, а начиная с 7 лет их будут отправлять в Екатеринбург, исходя, видимо, из того, что под непосредственным контролем уральского начальства они скорее подготовятся к обучению в латинской школе, начавшей действовать с ноября 1735 г., а обученных грамоте на дому можно будет сразу же определять в нее.

По этому указу В. Н. Татищева Пермская контора при доношении от 31 января 1736 г. отправила пятерых церковничьих детей от 7 до 15 лет, упомянутых в переписи, в Екатеринбургскую школу с рассыльщиком М. Гуляевым. Из Тро-

²¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 83.

²² Там же. Л. 150.

²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 36.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 151–151 об.

ицкого села был отправлен племянник дьячка Михаил Емельянов 12 лет; из села Тихоновского — сын умершего дьякона Петр Иванов 12 лет; из Комаровского села — сын умершего попа Кротова Федот и внучок Василий (11 и 10 лет); из Степановского острожка — сын умершего дьячка Колегов Алексей 7 лет²⁵. Прибыли они в Екатеринбург 10 февраля, через день И. Юдину приказали отдать присланных «для определения в науки»²⁶. Заметим, среди 5 отправленных — четверо сирот; возможно, их отбирали намеренно: с отцами труднее было бы договориться об изъятии детей из семьи для дальней отсылки и само число посланных было весьма скромным.

Лукьян Житков в доношении, отправленном 9 января 1736 г. в канцелярию вслед за переписью, сообщил о мерах по организации Кунгурской школы. Здание для школы строить не надо, ее «можно учредить в старом доме, в котором и прежде сего была школа ж [в 1721–1725 гг. — А. С.] и имели постои горные афицеры». Лишь в одном «покое», где будет школа, нужно починить печь и сделать три новых окна. Сообщил и об учителях: для обучения чтению, письму и пению «желает быть здесь соликамской посадской житель Степан Кудрявцов из годового жалованья дватцати восьми рублей. Для обучения арифметика учителя здесь не обыскалось, которого благоволено б было прислать сюда из Екатеринбургха, хотя из обретающихся тамошних учеников, знающаго»²⁷. Возможно, С. Кудрявцев случайно оказался в Кунгуре (расстояние между Соликамском и Кунгуром — 299 км). Своего жителя, могущего обучать грамоте, не нашлось, не говоря уж о человеке, способном обучать арифметике. На грамотных людей, не занятых делами, на Урале был чрезвычайно острый спрос даже в условиях города.

К доношению прилагался «Имянной список церковничьим детям, записанным для обучения в школу», в котором числилось всего 9 человек — это, видимо, была первая партия будущих школьников²⁸. Из села Ильинского подлежали обучению четверо детей попов: Василий Васильев 5 лет, братья Пантелеевы 13 и 16 лет, сын дьячка Яков Казаков 17 лет. Были включены и отсутствовавшие в переписи жители села Комарово, четверо детей попов — умершего попа сын Федор Иванов 11 лет и внук Василий; Гаврило Харитонов 15 лет и Федор Васильев 17 лет, а также из Тазовского села не числившийся в переписи сын пономаря Иван Чешуков 15 лет. Но в ведомостях школы 1736 г. числились позже лишь трое из девяти: Казаков, Харитонов и Чешуков, если правильно были записаны имена и фамилии других детей. А путаница с ними имела место — фамилию порой производили по имени отца, названию его должности, потом изменяли.

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 109–109 об.

²⁶ Там же. Л. 110.

²⁷ Там же. Л. 58–59.

²⁸ Там же. Л. 61.

В дневальной книге В. Н. Татищева 21 февраля 1736 г. отмечено, что он отправился осматривать пермские заводы и на второй день по прибытии в Кунгур, 24 февраля, Л. Житков «подал в доклад пункты» для получения резолюции: «...о положении в подушной оклад церковничьих детей, которые не положены, и о причислении их в села со крестьяны, понеже некоторые о том требуют»; о принятии в школу для обучения церковничьих детей «Соли Камской посадского Степана Кудрявцова» с жалованьем 24 руб. в год «и книг откуда требовать».

Возможно, церковнослужители пожелали записать своих детей в подушный оклад, чтобы их считали крестьянами и не брали в школу, а они обучались грамоте по-прежнему на дому и были освобождены от обучения латыни? На крестьянское сословие обязанность учиться не распространялась. В. Н. Татищев распорядился: «...церковничьим детям, кои желают быть в подушном окладе, подать имянной список с летами, о которых учинено будет». Кудрявцева принять, «ежели способен», с жалованьем, как определено канцелярией (т. е. по 18 руб. в год, а не 28, как тот просил), «книг требовать от Канцелярии Главного правления»²⁹.

Через месяц, 22 марта, новый глава Пермской земской конторы подпоручик Петр Немцов запросил для Кунгурской школы по 10 экземпляров азбук, часословов и псалтирей. В канцелярии распорядились справиться, «сколько имеется за роздачею ученикам свободных» книг. Через 3 недели справка о их наличии в Екатеринбургской словесной школе была готова: «...азбук новых печатных 85, ветхих 25, письменных ветхих же 38; часословов ветхих, по которым учить невозможно, 19; ...псалтирей 30»³⁰. Только по прошествии трех с половиной месяцев, 9 июля, члены канцелярии распорядились отпустить по 10 экземпляров затребованных книг с оговоркой: «...часословы и азбуки ж ветхие, исправя и починя при канцелярии», выслать и букварь «с десятословием». Был составлен и текст указа в контору, но судя по помете под ним, ни указ, ни книги в Кунгур отправлены не были, поскольку «из починеных книг в готовности не было и посланы по другому определению»³¹, по видимому, в 1739 г., касавшемуся певчих книг, о чем будет отмечено ниже.

По решению канцелярии с инспекторской поездкой в школы Пермского края 31 марта 1736 г. отправился ректор немецкой школы Екатеринбурга Бернгард Штермер³². Судя по журналу поездки, 3 апреля он прибыл в Кунгур, где «школы и учеников еще не было», отдал копию указа канцелярии в земскую контору «для разслания во весь оный дистрикт о собрании учеников, дабы они к возвращению из Пысгора в школу собраны были». Вернувшись 1 июня в Кунгур, Б. Штермер констатировал, что «собралось в Кунгурскую школу 43 человека», кто чему учится, приложен реестр как не явившимся, так и больным и женатым.

²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1531. Л. 83 об. – 84.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 293–294 об.

³¹ Там же. Л. 294–296.

³² Там же. Л. 275.

В реестре «уездным церковничьим детям» от 6 до 15 лет, не явившимся для обучения, числилось 24 человека из 9 сел и 5 острожков Кунгурского уезда: 6 лет — шестеро, 7 лет — трое, 8 лет — двое, один — 15 лет и трое 16-летних³³. Возможно, церковнослужителям жаль было отправлять за многие версты от дома своих малолетних детей, поэтому в основном они и были придержаны в семье, а может, они ожидали решения вопроса о записи их детей в крестьяне и законного освобождения от школьной повинности. Во всяком случае, уклонившихся от явки в школу церковничьих детей в Кунгурском уезде было много, в школах, открывавшихся при заводах, такого не наблюдалось. В реестре «женатым и скорбным» числилось пятеро детей от 8 до 16 лет с диагнозом: «падучая» (2 человека), «глух и глазами плох», «киловат», «скорбен кривошей»; и 8 молодых людей уже женатых, в возрасте от 17 до 25 лет, оставшихся в связи с этим за порогом школы³⁴.

К Б. Штермеру, видимо, как представителю власти, обратился учитель Степан Кудрявцев, лично сообщил о нужде в учебных пособиях, в том числе арифметике, трех стопах бумаги для ведения журнала, затронул вопрос о прибавке жалованья за обучение письму и нужде, как учителю, в казенной квартире³⁵. Будучи посадским человеком Соли Камской он, видимо, снимал квартиру у чужих людей либо проживал у родственников.

Б. Штермер вручил учителю Кунгурской школы, как и пермским учителям, инструкцию. Ее текст из 17 пунктов сохранился в деле о поездке³⁶. Устанавливались часы обучения: летом с 7 до 11 часов, зимой — с 8 до 12, обед — до часу по полудни, затем занятия до 5 вечера. Начинать уроки утром и после обеда предписывалось с чтения одной из глав Нового Завета, до обеда 4 часа учить чтению, после обеда — арифметике и геометрии, в журнале отмечать отсутствующих, больных. Учитель обязывался «прилежать» к обучению чистому письму, «ибо ученикам, когда они в латинскую или неметцкую школу взяты будут, от того великая польза происходить [будет]». Учителю полагалось вовремя объявлять, что ученик научился ясно и чисто читать и писать, «дабы не упустить время» к переводу в Екатеринбург. Формулировались требования к личности учителя: «...по совести своей о своих учениках попечение иметь и им, также и другим, непорядочным и мотовским житием или обхождением своим притчины не давали, но находились всегда [в] трезвом и порядочном житии». Учитель не мог без ведома начальства принимать учеников, брать плату за обучение, отпустить из школы. Ему полагалось «принуждать» учеников «к чистоте, дабы никто не умывшись, не часавшись иль [с] не обрезанными ногтями в школу не яви-

³³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 361–361 об.

³⁴ Там же. Л. 362–363.

³⁵ Там же. Л. 368–368 об.

³⁶ Там же. Л. 352 об. – 355.

лися»; «непристойные игры ученические пресечь и отрешить», увещанием «в учтивость их приводить»; водить в церковь по праздникам и воскресеньям. Регламентировался порядок ведения учителем школьной документации: книг входящих и исходящих документов, приходной и расходной, учебных пособий.

Помимо реестра 43-х учащихся школы за 22 апреля, представленного Б. Штермером, в делах канцелярии отложилось и несколько экземпляров ведомостей, присланных Пермской земской конторой, они помесячные — с мая по август 1736 г. В мае показано 42 ученика, в июне — 32, июле и августе — 33³⁷. Везде датой начала занятий указано 22 апреля 1736 г., т. е. в этот день школа начала действовать. Воспользуемся ведомостью за май, первый месяц обучения: из нее следует, что среди зачисленных в школу были дети, подростки разного возраста, 6 лет — 1, от 7 до 12 — по 2–3 человека, 13-летних — 8, 14 лет — 1, 15 лет — 5 человек. Удивляет зачисление в школу юношей отнюдь не школьного возраста: по два человека 16, 18 и даже 20 лет; 17 лет — четырех, 19 — пятерых. Ни в одну заводскую школу Урала таких возрастных учеников не принимали, а в Кунгурской они составили более трети!

Из 42-х учеников азбуку учили сын писчика 7 лет, сын умершего комиссара С. Кадешникова 12 лет и сын дьячка 20 лет! Часослов читали пятеро: племянник попа 6 лет, пономарские дети 9 и 18 лет, дети дьячков 10 и 16 лет. Изучали Псалтирь семеро — сын подканцеляриста 13 лет, дети пономарей — 14 и 18 лет, попа 17 лет, умерших попа и подьячего 13 лет, внук попа 9 лет. При 15 учениках, учившихся читать, 27 уже читали и писали, из них пятеро пели, о сыне подканцеляриста Федоте Елисееве 13 лет отмечалось: «...поет азбуку нотную».

Опять-таки ни в одной заводской школе среди только что принятых к обучению не был столь высок процент начавших овладевать грамотой на дому, в Кунгуре же мы видим среди только что зачисленных более 60% уже умевших читать и писать. В школах при заводах среди детей заводских работников отсутствовали начавшие обучаться грамоте на дому или их были единицы, поэтому все начинали с азбуки, — в Кунгурскую же школу были приняты исключительно дети подьячих и духовного сословия, а среди них практика обучения детей на дому была широко распространена. Сказалось и введение требования обязательного обучения грамоте детей духовенства в России на законодательном уровне с начала 1720-х гг.³⁸

Если в списке Б. Штермера 22 апреля среди 43 учеников были показаны сыновья умершего подьячего Шавкунова Никита 17 лет и Прохор 15 лет, то в майской ведомости Прохор уже отсутствовал. Из доношения Кунгурской ратуши, поданного В. Н. Татищеву в июле 1737 г., следует, что Прохор был за-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 555–566.

³⁸ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6, № 3718, 3854, 3932, 4021.

писан в Кунгурскую школу, «токмо в той школе во учении не был», а стал обучаться «по желанию своему», на своем коште, в немецкой школе Екатеринбургa, а ныне желает быть записанным в посад как дед его и отец³⁹.

Сравнительный анализ фамилий учеников, числившихся в майской и июньской ведомостях 1736 г., показал, что в июне из списка исчезли фамилии еще 11 детей: сына писчика 7 лет из азбуки и 10 детей попов, дьяконов, дьячков и пономарей, из них шестеро читали и писали в возрасте 15 лет (двое), 16 17, 19 и 20 лет; один учил Часослов (16 лет), трое — Псалтирь (13, 14, 18 лет), а сын дьякона 20 лет — «азбуку словесную»⁴⁰. При этом в июне в школу пришел новенький — сын умершего подьячего Петр Веселков 10 лет, учивший Часослов.

Во время пребывания Б. Штермера в Кунгуре выяснилось, что часть детей духовенства, зачисленных в Кунгурскую школу, до этого обучались в архиерейской школе Вятской епархии. Поп Сабарского заказа Василий Самсонов подал Б. Штермеру прошение, в котором указал, что школа в Кунгуре 22 апреля 1736 г. «сочинилася», в нее церковничьи дети взяты, а от епископа Лаврентия прислан в Кунгур пристав «ради наших детей, и требует от нас детей наших, також [грозит] учинить нам великую трубацию... и на сие наше прошение просим вашего решения»⁴¹. Видимо, получив этот документ, Б. Штермер решил снять копию с указа епископа Вятского и Великопермского Лаврентия, данного приставу Духовного приказа Якову Вшивцеву. Приведем основной текст этого любопытного документа.

«Ехать тебе в Кунгурской и Сабарской заказы, а приехав, сыскать тех заказов священно- и церковнослужительских детей по нижеписанному реестру, которые из дому его преосвященства из греко-латинской школы без ведома бежали, а сыскав, привезть их с собою на Вятку скованных в колодках за провожатыми и с принадлежащим к пребыванию довольством из домов своих без излишества, а привезши, объявить в Крестовой палате его преосвященству тотчас в самой скорости.

А буде которых школьников в сыску не явятца, то взяв отцов или братьей их, по тому ж привезть за провожатыми. Да в тех же заказах брать тебе от церкви до церкви у попов с причетники одну подводу и для вспоможения в сыску оных школьников брать же от церкви дьячков и пономарей, сколько человек пристойно, токмо во взятье тех подвод и в протчем обид... и раззорения отнюдь не чинить и взятком не касатца под опасением жестокого себе истязания»⁴².

В прилагаемом к указу реестре числились имена и фамилии 21 ученика, подлежащего сыску и возврату в епархиальную школу⁴³. Мы сравнили фамилии из

³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 691. Л. 59.

⁴⁰ Там же. Д. 624. Л. 558–560.

⁴¹ Там же. Л. 370.

⁴² Там же. Л. 369.

⁴³ Там же. Л. 369–369 об.

этого реестра с ведомостью Кунгурской школы за май 1736 г.⁴⁴ В последней шестеро приступивших к обучению учащихся оказались из архиерейской школы, пятеро из них читали и писали (15, 16, 17, 19, 20 лет); один, 14 лет, читал Псалтирь. Вот эти шестеро самовольно и прекратили посещать занятия в июне месяце.

9 июня 1736 г. Пермская земская контора составила доношение в Екатеринбург с объяснением по поводу приема детей из Вятской школы. «Управляющий земских дел» оправдывался тем, что указом канцелярии от 5 декабря 1735 г. конторе предписывалось собрать в Кунгурскую школу детей духовенства, «хотя и написанных в архиерейскую школу..., невзирая ни на какие их отговорки». Сообщалось, что в 1735 г. по указу епископа Лаврентия были взяты у церковнослужителей дети на Вятку в архиерейскую школу, «которые оттуда за свою нуждою отлучились и явились в здешней школе и записаны под смотрение иноземца ректора Штермена», пристав «их требует непрестанно» и церковники просят отпустить их детей на Вятку, но «без позвоительного указа» канцелярии контора «отдать опасна, понеже оным ректором имяна их введены в список»⁴⁵.

Прилагался реестр этих 9 человек, шестеро из них числились в ведомости школы за май, троих отцы отдать в школу отказались⁴⁶. Уральское начальство, рассматривая доношение конторы 19 июня, приговорило: детей, которые уже в архиерейской школе были, отдать немедленно приставу и из списка выключить, «да и принимать было оных не надлежало», ибо по определению канцелярии от 8 февраля 1735 г. велено было обучать детей с оговоркой, «которые хотя в архиерейские школы и назначены, а показанные ... не назначенные, но действительно в архиерейской школе были». Безусловно, начальство само допустило нечеткую формулировку, что и привело к зачислению учащихся Вятской школы в Кунгурскую. Только 5 июля указ был отправлен в Кунгур⁴⁷. Ясно, что горнозаводские власти не захотели вступать в спор с духовным ведомством за право продолжать обучение детей церковнослужителей в своей школе.

Итак, в июне 1736 г. в школе числилось 32 ученика (т. е. «вятские» ее покинули, не дожидаясь указа канцелярии); в июле, августе — 33 (вернулся сын писчика 7 лет). Во всех месячных ведомостях датой поступления в школу указывалось 22 апреля 1736 г.⁴⁸ Следующая ведомость, за сентябрьскую треть 1736 г. (сентябрь — декабрь месяцы), была отправлена по требованию уральского начальства в апреле 1737 г.⁴⁹ В ней впервые указывалось разное время

⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 555–557.

⁴⁵ Там же. Л. 336–336 об.

⁴⁶ Там же. Л. 337.

⁴⁷ Там же. Л. 337 об.

⁴⁸ Там же. Л. 555–566.

⁴⁹ Там же. Л. 64.

начала занятий для нескольких групп учащихся⁵⁰, на основе чего можно было бы сделать вывод, что школа наполнялась в 1736 г. постепенно: 22 апреля 1736 г. начала действовать всего с четырьмя детьми подьячих, 28 августа к ним прибавилось еще 13 человек, в октябре проведено еще три зачисления: 1, 6 и 25 числа. Но эти даты проставлены учителем наугад, ошибочно: эти ученики уже числились в ведомостях в апреле — августе 1736 г.

Среди 35 учеников, упоминавшихся в третьей трети 1736 г., большинство были детьми священно- и церковнослужителей — попов, дьяконов, дьячков, пономарей, в т. ч. трое внуков, всего — 21 человек. Они составляли 60 % от всех учащихся. Треть учащихся (34 %) — дети подьячих. И даже когда в июле покинули школу 6 человек, проучившихся до этого год в Вятской школе, особенностью состава учащихся Кунгурской школы можно считать высокий уровень грамотности среди принятых — к концу 1736 г. писали 15 человек из 35, что составляло 43 % (8 человек «писали склад», 6 — «слова скорописные», 1 — прописи); 6 человек учили Псалтирь, 12 — Часослов, из них двое «твердили» его, двое были в «азбуке».

В доношении Пермской конторы от 1 сентября 1736 г., сопровождавшем отправку месячных ведомостей, сообщалось: «...видно, что иные ученики достойны ко обучению арифметика, понеже словесному и писать уже обучились, а учителя арифметического здесь не имеетца и обучать оных к тому здесь некому»; и азбук, часословов, псалтирей, арифметики, «для письма бумаги ниоткуда не прислано». Ясно, что все подростки по-прежнему обучались по своим книгам. Запрашивалось, на какие деньги покупать дрова для отопления школы предстоящей зимой⁵¹. На доношении помета: «...кто в другие науки поспели, разсмотря, росписать». Об открытии арифметической школы, дровах умалчивалось. Кунгурская школа интересовала начальство в первую очередь как источник пополнения немецкой и латинской школ грамотными людьми.

Рассмотрев месячные ведомости за май — август, в канцелярии расписали, кого «перевести в другие науки». В немецкую — 6 человек: сыновей подьячих — Шавкунова Никиту, Рязанова Василия, Красильникова Николая; сына копииста — Викулова Родиона, комиссара Кадешникова — Кондратия. В латинскую школу предназначалось 8 человек — пятеро детей попов, дьячка, двух пономарей. Всего 14 человек в возрасте от 10 до 19 лет. Оговаривалось: «...затем еще останетца в Кунгурской школе... детей, которые обучаютца словесному, а в письме только еще пишут слова, 19 человек». В протоколе заседания канцелярии 20 сентября 1736 г. записали: по составленным спискам «перевести оттуда сюда немедленно», послать указ об этом в Пермскую контору, ей «объявить имянно», получали ли они жалованье в Кунгурской школе⁵². При переводе учеников из школы одного

⁵⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 39–41 об.

⁵¹ Там же. Л. 554.

⁵² Там же. Л. 567–568.

завода в другую вопрос о жалованье был важен, чтобы правильно возобновить его выдачу и избежать накладок. В Кунгурской же школе, единственной, вопрос о назначении казенного жалованья решен не был — оно никому не выплачивалось, даже сиротам, в то время как согласно справки 1737 г. из 654 учащихся горнозаводских школ жалованье получали 464 или почти 70 % школьников⁵³.

Но выслать в Екатеринбург всех 14 учеников Кунгурской школы не удалось. В ведомости за третья треть 1736 г. отмечено, что двое детей из подьячих «по указу» были отданы «в Кунгурскую канцелярию для письма»⁵⁴, а их фамилии как раз числились в списке вызванных в немецкую школу. Воевода Кунгурского уезда, глава провинциальной канцелярии майор Е. Мазовецкий в доношении уральскому начальству 8 октября так объяснил причины этого. Отцы взятых в школу подьяческих детей Федота Красноперова и Родиона Викулова «объявили, что они оных детей своих как словесному, так и письменному обучили и для подтверждения словесному, так и письменному в тое школу отдавали и подписались содержать их на своем пропитание, которых так и содержали». Поэтому просили определить их в канцелярию «за неимением подьячих, в пищики», донести об этом уральскому начальству, поскольку школьники, не получавшие жалованье, могли определяться «во услуги по воле родителей, где они за лутчее почитать будут, а в Кунгурской канцелярии в писцах обстоит нужда, и за тем они остановлены». Согласно справке, их отцы — подьячие воеводской канцелярии, и 22 октября уральское начальство санкционировало решение воеводы, приказало земской конторе исключить этих детей из списка школьников⁵⁵. В ведомости за август 1736 г. они показаны 13-летними, читающими и пишущими, Красноперов пел «азбуку нотну», Викулов — «октай»⁵⁶.

Третий ученик из вызванных в немецкую школу, подьяческий сын Никита Шавкунов 17 лет, еще в августе бежал, о чем учитель донес в контору лишь через месяц, 27 сентября, видимо, в связи с поступлением указа об отправке учеников в Екатеринбург. «Управляющий земских дел» подканцелярист Дмитрий Попов 1 октября сообщил в Екатеринбург о побеге, «публиковании» указов о сыске в Кунгуре и селах уезда. Уральское начальство приказало «публиковать» о побеге на всей территории горнозаводского ведомства, сообщить на Невьянский завод Акинфия Демидова и заводы Строгановых⁵⁷.

В екатеринбургские школы пришлось отправить 11 кунгурских учеников вместо 14. В доношении конторы об их отправке 6 октября 1736 г. сообщался

⁵³ Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М., 1944. С. 62.

⁵⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 41.

⁵⁵ Там же. Л. 578–579.

⁵⁶ Там же. Л. 564.

⁵⁷ Там же. Л. 572–576.

любопытный факт: подьяческим детям Рязанову и Красильникову «за неимением у них собственных подвод по определению кунгурского воеводы ... выдано им на одну подводу до Екатеринбургха на 257 верст по деньге на версту», 1 руб. 28 коп. «с полу» из имевшихся в Пермской земской конторе подушных денег. 15 октября доношение поступило в Екатеринбург, 18 числа начальство распорядилось об определении прибывших «в науку»⁵⁸. Вдумаемся в эти данные. Выходит, вызывавшиеся в екатеринбургские школы дети должны были добираться на личных лошадях, принадлежавших семье, в сопровождении отцов или ближайших родственников: казна не оплачивала их проезд. Вероятно, родители могли и скооперироваться, отправив на одной лошади двух детей. А расстояние приходилось преодолевать немалое, в течение нескольких дней, этой конкретной группе — еще и в осеннюю распутицу.

Состав отобранных в латинскую школу 8 человек оказался не совсем удачен. Среди них оказались юноши «возрастные», 19–20 лет. Через 10 дней по прибытию в Екатеринбург четверо жителей села Комаровского, дети попов Гаврило Попов, Федор Ушаков, Никифор Пушкин, дьячков сын Галактион Яковлев обратились с прошением о возвращении их в Кунгурскую школу «для совершенного обучения пения и писания». Они ярко обрисовали тяжелое положение детей сельского духовенства: «...мы, бедныя, жили при своих родителех от младых лет непрестанно в тяжкой работе и в пахоте, и от недостатку своего всегда в печали были, как бы себя и родителей своих пищею и одеждою пропроводить, и в той печали ко учению сему остроту ума своего затмением уже пресекли», «чего ради признаваем мы, что сей науки совершенно не достать, но токмо время свое в напрасном изнурении чаем потерять».

Просители оговаривали, что и в Кунгурскую школу, и в Екатеринбургскую «в проезде прогонами содержали себя своим иждивением, а казенного для содержания на нас ничего не потеряно», просили «для показанной нашей нужды и тупости ко учению ума нашего», великовозрастности, отпустить в Кунгурскую школу, и когда в той школе «науку... совершенно получим», отдаем себя для определения в «милостивое рассмотрение Главной канцелярии»⁵⁹. И. Юдин засвидетельствовал, что за три недели юноши дошли до 4–5 страницы Вокабул и малопонятливы, да и «писать скорописи и читать по-русски весьма мало еще знают»⁶⁰.

Через несколько дней, в ноябре 1736 г., с прошением в канцелярию обратился и старший сын умершего комиссара Кунгура подканцелярист Иван Кадешников, взятый к делам в Екатеринбург. Он ходатайствовал об увольнении брата Конона (по ведомостям — Кондратия), присланного в октябре в немецкую школу, «которой за возрастом своим годами в учении непонятен, да и к письму

⁵⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 570–571.

⁵⁹ Там же. Л. 686–686 об.

⁶⁰ Там же. Л. 686 об. – 687.

русскому мало умеет». Младший брат учился в Кунгурской школе, Конону надо бы присматривать за домом и скотом, «дабы... домишко наш за отлучками нашими не вовсе разорился и нам бы не прийти б во всеконечное убожество»⁶¹. Начальство приказало «справиться, сколько лет и что учит, и давно ли учиться стал, и каков в учении». Учитель Гейнш показал: Кадешников «учит склады и весьма в науке за многолетством непонятен». Ему 19 лет. О том, до какого возраста брать детей в школы, никакого определения в делах не обнаружилось. В декабре 1736 г. в отношении Кадешникова и взятых из Кунгура церковничьих великовозрастных и малопонятливых юношей приняли общее решение: в школе не держать, отпустить по домам «и впредь в оные школы выше четырнадцати лет школьников не принимать, и о том главному межевщику Юдину объявить». Подписал это решение А. Ф. Хрущов⁶².

В 1736 г. в Канцелярию Главного заводов правления дважды обращался и сын попа, бывший пономарь села Комарово, приписного к Егошихинскому заводу, Корнило Кротов. 19 марта 1736 г. он хлопотал о родном брате Федоте и сыне Василии, взятым в словесную школу Екатеринбурга 11 февраля, до открытия школы в Кунгуре. Они начали учить азбуку и в течение месяца ее так и не выучили, а «за дальним разстоянием поить и кормить мне их за скудостью своею невозможно». Кротов просил отпустить их «на строчное время с подпискою моею и буду их своим коштом обучать в Кунгурской школе или в домех своих, дабы им за малолетством их здесь и за дальним разстоянием од домов своих не помереть голодною смертию», а по обучении грамоте обещался доставить в Екатеринбург для дальнейшего обучения «немедленно»⁶³. В отношении Кротовых, 11 и 10 лет, наводились справки, но через 5 дней последовало решение: обучать их в Екатеринбурге, а у Кротова «взять... подписку, ежели он их на своем пропитании содержать не желает, то им давано будет от казны жалованье и по получении за оное должны остаться в заводской службе, а к нему б или по желанию их к другим делам не отпустятся». Естественно, что Кротов согласился содержать брата и сына «на своем пропитании», лишь бы не лишить их права распоряжаться своей жизнью в будущем⁶⁴.

Через полгода Кротов снова попытался изменить место обучения младшего брата Федота, сироты 11 лет, и 10-летнего сына Василия. В доношении 15 сентября он сообщал: другого его сына, 7-летнего Филиппа, взяли учиться в Кунгурскую школу, а дети, учившиеся в Екатеринбурге, «за не призрением и за неимением свойственных и родственников претерпевают великую нужду, и за недостатком пищи когда временно и питаютца подаянием мирским, а я, нижайший, за даль-

⁶¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 688–688 об.

⁶² Там же. Л. 689–690.

⁶³ Там же. Л. 148–148 об.

⁶⁴ Там же. Л. 149–152.

ним разстоянием от Кунгура и за своим недостатком от великого здесь в проезде пропитания и частыми сюда волокитами пришел в последнюю скудость»⁶⁵.

На шестой день последовало решение: отпустить обоих детей в Кунгур по определению В. Н. Татищева от 19 мая 1735 г. (когда он лично позволил не забирать учиться грамоте в Екатеринбург детей из дальних мест), явиться в Кунгурскую школу «на поверстной срок», взять подписку, что будут обучаться «по надлежащему». Кротов обещал объявить детей в Пермской земской конторе 29 сентября «без всякого отлагательства»⁶⁶. Получалось, по меньшей мере неделя ему давалась, чтобы добраться до Кунгура.

Чуть ранее, в октябре 1736 г., сын дьякона Петр Хлопин, взятый учиться грамоте в Екатеринбург еще в феврале 1735 г. (об этой первой партии мы сведениями не располагаем), просил перевести его в Кунгурскую школу: там «имею родительницу, и то бедную вдову, которая не токмо обо мне иметь попечение, но и о себе не может никаково промыслу и пищи снискать», в Екатеринбурге родственников или знакомых нет, поэтому «претерпеваю великую нужду и питаю себе, прося милостыню»⁶⁷. Ровно через неделю, 13 октября, последовало решение: отпустить учиться в Кунгур. Получается, что П. Хлопин осваивал азы грамоты (дошел до утрени в Часослове) без регулярной поддержки из дому, без жалованья, в то время как с апреля 1722 г. мог бы учиться по месту жительства. Отправили его домой с рассыльным в октябре 1736 г., через год и 9 месяцев пребывания в Екатеринбургской школе⁶⁸.

В ведомости Кунгурской словесной школы за третью треть 1736 г. числятся сын попа Федот Кротов и сын писчика Василий Кротов. Ясно, что проситель, бывший пономарь, стал зарабатывать на жизнь писчиком. С ними в школе и сирота Петр Хлопин⁶⁹.

В сводной ведомости за 1737 год в Кунгурской школе показано 22 человека⁷⁰, причем трое новеньких, детей дьячков: с 22 марта Алексей Колегов, с 22 апреля — братья Шубины, но последние уже фигурировали в ведомости за 1736 г., а вот 7-летний Колегов, отправленный в Екатеринбургскую словесную школу в феврале 1736 г., сумел перевестись в Кунгурскую школу, как и Хлопин.

Во время пребывания В. Н. Татищева в Кунгуре в начале июля 1737 г. (проездом к новому месту назначения в Самару главой Оренбургской экспедиции) Пермская контора представила ему доклад о делах, требующих решения, в том числе о школе. Доложила, что учеников в ней не более 22-х человек, «отцы их

⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 591–591 об.

⁶⁶ Там же. Л. 593–593 об.

⁶⁷ Там же. Л. 611–611 об.

⁶⁸ Там же. Л. 612 об. – 613 об.

⁶⁹ Там же. Д. 625. Л. 41–41 об.

⁷⁰ Там же. Д. 602. Л. 209–215.

обязались подпискою содержать собою, не требуя жалованья»; запрашивала: «Брать ли еще учеников и из каких чинов, и сколько, и давать ли жалованье, если отцы потребуют, и откуда его получать?». Руководство конторы заявило: если повелено будет содержать часть учащихся на жалованье, «то могут быть и охотники, к тому же, как известно, что салдатских детей в Кунгуре имеется немалое число, и в школу годны, коих не повелит ли ваше превосходительство приказать воеводе, чтоб их собрав, прислал для обучения в школу, от которых впредь не без пользы будет, нежели им меж дворами скитаясь, ни к чему не годными быть». В. Н. Татищев приказал рассмотреть вопрос Канцелярии Главного заводов правления, что было отмечено в журнале его личной канцелярии⁷¹. Безусловно, горное ведомство не было заинтересовано в обучении грамоте детей, не состоявших в его ведении (к тому же с назначением им казенного жалованья), которых нельзя было по окончании школы использовать в пользу заводов, поэтому вопрос так и остался нерешенным.

Судя по доношению земского судьи Степана Неелова в Екатеринбург от 28 мая 1737 г., уральское начальство велело построить для земской конторы новое здание силами приписных крестьян, а для учения ребят — школу за счет заводов, но они не построены. Занят дом, приобретенный крестьянами Кунгурского уезда, позже приписанными к заводам. При дележе крестьянского имущества с властью воеводы (в ведении которого осталось 2/3 крестьян, проживавших в уезде), Пермской конторе, чтобы не потерять доли в имуществе перешедших в ее ведение крестьян, пришлось из трех зданий (в одном из которых размещался двор воеводы) взять дом, который «весьма плох». Дано его описание: «...многие места развалились, а иное ветхо, и кровля вся гнила, и требует немалой починки и пристройки». Но его починка будет крестьянам не так тягостна, как строительство новых зданий, и казне убытка не будет⁷².

В этом доме после ремонта должны были решаться земские дела и обучаться школьники. В ноябре 1737 г. глава конторы доносил в канцелярию о результатах ремонта, проведенного крестьянами в зачет уплаты подушной подати за 1737 и 1738 гг.: израсходовано за тес, железные изделия, проволоку, окна, кирпич, печнику за кладку печей 41 руб. 16 ½ коп. и «от школы и учительского дому» надлежит взять 18 руб. 48 ½ коп., которые и затребованы от Пермского горного начальства⁷³. Ясно, что с осени 1737 г. и школа, и учитель разместились в отремонтированном доме вместе с земской конторой. Напомним, о казенной квартире С. Кудрявцев просил в обращении к Б. Штермеру в июне 1736 г. Итак, горнозаводские власти должны были потратиться второй раз на починку школьного помещения в Кунгуре.

⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1036. Л. 230–230 об.

⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 678. Л. 369–370.

⁷³ Там же. Л. 371–372.

В первой трети 1738 г. в Кунгурской школе — 20 человек, из них большинство читали и писали, причем от Часослова переходили к Псалтири, с Псалтирью начинали писать, лишь сын умершего дьякона Петр Хлопин от Часослова перешел к письму, вероятно, не имея этого пособия. Часослов читали четверо; Часослов, а затем Псалтирь — трое⁷⁴.

Большой прием детей состоялся 2 мая 1738 г., зачислили сразу же 18 человек, выходцев из духовного сословия — детей попов (8), дьяконов (2), дьячков (5), пономарей (3). Возраст детей сильно различался: по 2–3 человека — от 7 до 13 лет, одному — 6, был и 15-летний⁷⁵. В школе стало 38 учеников. По сути, это было единственное ее коллективное пополнение. Причины его были связаны с проведением переписи в России в ходе Русско-турецкой войны в 1736–1737 гг., когда не служащих церковнослужителей от 15 до 40 лет забирали в армию, а младших — в школы. Уральская канцелярия провела «разбор» церковничьих детей на своей подведомственной территории.

В мае Пермская земская контора прислала ведомость о численности церкви в селах и острожках, приписных к заводам, служащих и праздно живущих представителях духовного сословия и их детях⁷⁶. Выявились дети, годные по возрасту в школу, назначенные ранее для обучения, но не отданные: 18 из них и были зачислены в Кунгурскую школу.

В июне 1738 г. уральское начальство начало новую кампанию по переводу детей духовенства, обученных в школах грамоте, в латинскую школу. Из 37 учащихся Кунгурской назначили к переводу 6 человек, но 9 октября в Екатеринбург отправилось пятеро: дети попов Александр Калашников 11 лет, Иван Ярушин — 19; дьяконов — Петр Хлопин и Яков Шубин 16 лет, сын дьячка Алексей Колегов 10 лет. Напомним, Хлопин и Колегов уже побывали в Екатеринбургской словесной школе⁷⁷.

Отправляя ведомость в январе следующего года, контора доложила, что сын подьячего Афанасий Елисеев 15-ти лет «твердит» Псалтирь, от него «науки впредь уже в таковые года чаять ненадежно». Начальство приказало спросить его, «куда охота есть, в ремесло?», но если состоит в подушном окладе, зачесть в рекруты⁷⁸. Оказалось, «он обучается письму и к обучению мастерств охоты не имеет», поэтому начальство в мае месяце повелело: «...обучать в тамошней школе письму и арифметика, если же в Кунгуре арифметика обучать некому, то ево по обучении письма послать на Егошиху в арифметическую школу»⁷⁹.

⁷⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 737. Л. 131–135.

⁷⁵ Там же. Д. 756. Л. 231–237.

⁷⁶ Там же. Оп. 12. Д. 244. Л. 5.

⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 756. Л. 240–246.

⁷⁸ Там же. Оп. 12. Д. 265. Л. 177.

⁷⁹ Там же. Д. 268. Л. 197.

Но в ведомости за первую треть 1739 г. Елисеев показан среди 32-х учеников, «твердит» Часослов, в конце трети «пишет склад»⁸⁰.

В июне 1739 г. Пермская контора сообщила уральскому начальству, что трое детей подьячих (Исак Рязанов, Иван Соколов и Афанасий Елисеев) обучились письму на своем пропитании, ныне Пермская провинциальная канцелярия во главе с воеводой требует их «к письму и для науки канцелярских дел и объявляет в приказных служителях крайнюю нужду». Земская контора спрашивала, «отдавать ли, також кои и впредь обучены будут... на своем пропитании... отдавать ли?»⁸¹. Только 13 октября доношение конторы заслушивалось в канцелярии, увольнение трех подьяческих учеников к делам было разрешено, о прочих умалчивалось. Рапортом 5 ноября земская контора сообщила об отправке Рязанова и Елисеева к делам в провинциальную канцелярию и назначении Соколова копиистом в свою контору, еще до получения указа канцелярии⁸². Относительно его назначения конторе пришлось пояснить дополнительно: в 1735 г. копиистом в нее назначили Ивана Головкова из крестьянских детей приписного к заводам села Троицкого, «в то время других определить было не ис кого, а ныне многие писать изучились из школьничков, подьяческие и церковных причетников дети, и в подушном окладе их не имеется». Головков же в оклад написан, деньги за него отработывают миром, а от него «за пьянством и за другим непотребством при делах мало помощи было», поэтому вместо него копиистом и определен 15-летний Иван Соколов⁸³. Он числился среди первых детей подьячих, принятых в школу в апреле 1736 г.

В ноябре 1739 г. Пермская земская контора затребовала к обучению кунгурских школьничков книг певчих: Октаев и Праздников четырехголосных, Ирмосов на один голос, для чтения ученикам — Новый Завет. Согласно справки оказалось, что «Праздники и Ирмосы излишние — при здешних школах, а Новые Заветы при канцелярии имеются, а Октаев излишних нет». Начальство решило: взяв излишние книги из екатеринбургских школ, а Новый Завет — из канцелярии, отослать с показанием цены⁸⁴. Видимо, это и было «другое» определение об отправке книг, а пособия, затребованные в 1736 г., так и не были отправлены и ученики Кунгурской школы обучались по своим собственным азбукам, часословам, псалтирям. На учебных пособиях для обучения грамоте и на казенном жалованье в отношении Кунгурской школы власти удалось сэкономить.

Ведомость за третью треть 1739 г. констатирует убывание 8 человек из 32, числившихся в списке⁸⁵. Если трое сыновей подьячих были назначены офици-

⁸⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 816. Л. 62–64.

⁸¹ Там же. Д. 820. Л. 459.

⁸² Там же. Л. 461, 464.

⁸³ Там же. Д. 808. Л. 477.

⁸⁴ Там же. Оп. 12. Д. 264. Л. 248.

⁸⁵ Там же. Оп. 1. Д. 857. Л. 213–216.

ально, то еще пятеро учащихся показаны взятыми для письма в канцелярию, напротив их фамилий отмечено: «...отдан в Пермскую провинциальную канцелярию для письма». Среди этих «отданных» — дети попов (11, 14 лет), дьячков (13 и 14 лет), пономаря 10 лет⁸⁶. Это первый известный нам случай использования учащихся Кунгурской школы для письма, причем детей священно- и церковнослужителей, в канцелярии гражданского ведомства, подчиненной воеводе уезда. Причем в последующих ведомостях школы эти ученики уже не числились, т. е. фактически были определены к делам. В январе 1740 г. в протоколе заседания канцелярии отмечено: заслушивали доношение Пермской земской конторы «об отданных школьниках в Пермскую провинциальную канцелярию и о требовании указа, достальных обученных писать и которые впредь обучатся, куда определить или к отцам их отдать». Члены канцелярии постановили: ученикам быть в той провинциальной канцелярии, а обученных письму, «ныне наличных», для обучения арифметики отослать и впредь отсылать в Пермское горное начальство⁸⁷. Но последнее распоряжение реализовано не было.

Согласно ведомости за первую треть 1740 г., из 23 оставшихся в школе учеников 11 человек в конце трети учились арифметике: восемь с 15 апреля — «нумерации», двое — сложению, один со 2 апреля — умножению⁸⁸. Удивляет тот факт, что трое из них учили Псалтирь, остальные — Часослов, т. е. перешли к арифметике, миновав обучение письму! Видимо, решено было поспешно перейти к обучению арифметике в связи с известием о предстоящем увольнении детей духовного сословия из школы: 10 учеников были из этой категории, изучавший умножение — подьяческий сын, сирота Петр Веселков.

В сентябре 1740 г. Пермская контора отправила в Екатеринбург первую и последнюю ведомость Кунгурской арифметической школы за 2/3 года — «Рапорт арифметическим ученикам», подписанный подканцеляристом Петром Веселковым⁸⁹. Видимо, он и начал обучать арифметике школьников. Первым в списке шел Петр Веселков. Поскольку он еще 2 апреля учил умножение, видимо, начал учиться на дому, в августе перешел к сложению долей. Четверо числились в школе с 15 апреля: сын писчика Василий Кротов и сироты — Сава Попов, два Ивана Поповых, в возрасте от 12 до 16 лет. Они учили деление чисел, причем Иван Попов учил «деление с прописью», т. е. одновременно с арифметикой обучался и письму. Таким образом, арифметическая школа начала действовать в Кунгуре со 2 апреля с одним учеником, 15 апреля их стало пятеро.

В словесной школе во второй трети 1740 г. осталось 18 человек — сын бывшего комиссара Кадешникова Прокопий и дети, принадлежавшие к духовному

⁸⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 857. Л. 213–216.

⁸⁷ Там же. Оп. 12. Д. 276. Л. 51.

⁸⁸ Там же. Оп. 1. Д. 857. Л. 218–219 об.

⁸⁹ Там же. Л. 221.

сословию: 4 сынов попов, 7 — дьячков, по двое — дети дьяконов, пономарей, писчика Корнилова, бывшего пономаря, в возрасте от 9 до 16 лет⁹⁰. Поскольку часть их была записана сиротами, мы уточнили их сословную принадлежность по более ранним ведомостям. Трое учеников писали «слова скорописные», двое «твердили» Псалтирь, один учил его, остальные читали Часослов. Напротив 12 фамилий в ведомости отмечено: «...отдан к духовным делам для отсылки в архиерейскую школу». Дата отсылки не проставлена, в то время как не подлежащие отсылке побывали в отпуске домой с 18 августа до 15 сентября и ведомость была отправлена при доношении конторы 15 сентября⁹¹. Напрашивается вывод, что дети священно- и церковнослужителей были отпущены из школы до 15 сентября. При этом записанных сиротами пятерых детей — дьячков Красноперова, Батрунова, попа Калашникова и писчика Кротовых в Кунгурской школе оставили наряду с Кадешниковым, к духовному сословию не относившемуся. Отправке детей в архиерейскую школу предшествовали следующие события.

Летом 1739 г. в Святейший Синод, как высший орган церковно-государственного управления, поступила жалоба митрополита Тобольского и Сибирского Антония на действия горнозаводской власти. Митрополит жаловался, что горнозаводская «команда» требует, чтобы священно- и церковнослужители «детей своих к его преосвященству в училище не отвозили, а забирая ... их, тамо употребляет в разныя училища и работы по своим определениям»⁹². На территории Тобольской и Сибирской епархии действовали все заводы Екатеринбургского ведомства, кроме пермских. Митрополит Антоний не случайно обратился с жалобой в Синод в 1739 г., не вступая в спор за детей духовного сословия ранее — опасаясь проиграть всесильному В. Н. Татищеву. В январе 1739 г. указом Анны Иоанновны В. Н. Татищев был вызван из Самары в Санкт-Петербург с ведомостями о порученных ему делах, о содержании заводов, полученной от них прибыли, но по приезду в столицу попал в опалу, в марте был отстранен от управления заводами Урала и Сибири и Оренбургской комиссией, в мае над ним началось очередное следствие. Вот тогда Антоний и подал жалобу.

Синод отреагировал на нее указом от 28 августа 1739 г., направив его в главный орган управления заводами России, Генерал-берг-директориум. Потребовал от митрополита пресечь указанные препятствия и прислать известие, сколько детей духовного сословия «в екатеринбургских училищах и канцеляриях, и при работах, и мастерствах, и в каковых порознь науках и с коего кто года обретался и ныне обретается». Директориум указом от 4 сентября 1739 г. предписал уральской канцелярии «в школы из священно- и церковнослужи-

⁹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 857. Л. 222–223 об.

⁹¹ Там же. Л. 220.

⁹² Там же. Оп. 12. Д. 43. Л. 502.

тельских детей впредь не принимать» и прислать в Директориум ведомость, затребованную Синодом⁹³.

Ведомость была составлена к 24 декабря 1739 г. Всего в горнозаводских школах с 1735 г. было учтено в учении 114 детей духовного ведомства, 32 показано «выбылых» по возрасту, болезни и т. п. На конец 1739 г. детей священно- и церковнослужителей в школах числилось 83⁹⁴, в том числе с территории Тобольской и Сибирской епархии — 57 человек, Вятской и Великопермской — 27⁹⁵. В Кунгурской словесной школе их было показано 15 человек⁹⁶. Анализ ведомости за третью треть 1739 г. показал, что в сводной ведомости в центр были учтены только дети, указанные сыновьями попов, дьячков и пономарей, записанные сиротами учтены не были, как и внуки попов, если отцы их в церкви не служили.

Получив эти сведения о детях священно- и церковнослужителей, Синод указом от 1 апреля 1740 г. потребовал о «немедленном их из екатеринбургских школ ... увольнении» и чтобы «на коште отцов их поставлены были в Тобольск во учрежденные при доме архиерейском школы неотложно». Генерал-берг-директориум отправил на Урал свой подгвердительный указ от 30 апреля, предписав «в школы из священно- и церковнослужительских детей впредь не принимать»⁹⁷.

В результате этих предписаний в августе 1740 г. Канцелярия Главного правления заводов и вынуждена была уволить детей духовного сословия из горнозаводских школ, располагавшихся на территории Сибирской губернии, обязав при этом их отцов поставить детей в Тобольск в архиерейский приказ к 1 ноября 1740 г. под угрозой штрафа. Уведомления об этом были разосланы на места и в Тобольскую архиерейскую канцелярию⁹⁸. Подобное решение было принято и в отношении явки детей в Вятскую архиерейскую канцелярию: «...по силе того указа и отпущены сибирские в Тобольск, а пермские — в Кунгур к духовным делам для отсылки к Вяцкому архиерею 16 же дня декабря 1740 года»⁹⁹. Эта дата отсылки детей в Вятскую школу указана в справке канцелярии, составленной в связи с оставлением одного из детей попов при заводских делах. Без сомнения, деятельность Кунгурской школы завершилась в 1740 г., ведомости за третью треть 1740 г. уже не составлялось. Но конкретное решение о закрытии словесной и арифметической школ предстоит выявить.

Итак, словесная школа в городе Кунгуре действовала на протяжении короткого срока, менее четырех лет, с апреля 1736 г. по 1740 г. Расположение ее

⁹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 43. Л. 502–505.

⁹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 820. Л. 514–518 об.

⁹⁵ Там же. Д. 907. Л. 84.

⁹⁶ Там же. Д. 820. Л. 516–516 об.

⁹⁷ Там же. Оп. 12. Д. 44. Л. 273–274.

⁹⁸ Там же. Д. 283. Л. 270–271.

⁹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 907. Л. 136.

в старом уральском городе, вдали от заводов, определило ряд ее особенностей. Она была единственной из школ горного ведомства, подчиненной не заводской конторе, а Пермской земской и через нее — Канцелярии Главного заводов правления. Подготовка к ее открытию по разным причинам растянулась во времени, при 42 учениках, приступивших к обучению в 1736 г., около 30 записанных в нее не явились и их никто не разыскивал, как это делалось в отношении школ, действовавших при заводах. Для Кунгурской школы был характерен особый социальный состав учащихся. В ней учились исключительно дети подьячих и священников, церковнослужителей города и Кунгурского уезда или их братья, племянники, внуки и двое детей умершего комиссара, бывшего подьячего. Ни в одной заводской школе не было такого числа «возрастных» учеников, 15–20 лет, в крайнем случае, один-два 15–16 лет. Кунгурскую школу отличал и высокий процент учеников, обучавшихся грамоте на дому до зачисления в нее. Но если школы при заводах постоянно пополнялись новыми учащимися, то в Кунгурскую лишь один раз в 1738 г. был организован прием в связи с «разбором» духовного сословия на всей территории края, тогда одновременно пополнились детьми духовенства и другие заводские школы.

Учащиеся Кунгурской словесной школы занимались по своим собственным учебникам, ни один из них не получал казенного жалованья. Очень поздно по сравнению с другими школами они перешли к обучению арифметике, хотя возможности для этого складывались вскоре после открытия. Но уральское начальство было заинтересовано в пополнении обучившимися грамоте иноязычных школ Екатеринбурга, а поскольку большинство учеников относилось к духовному сословию, Кунгурская школа стала вторым после Екатеринбургской словесной источником пополнения латинской школы.

В Кунгурской школе, по нашим подсчетам, в тот или иной срок обучались грамоте 64 человека, из них 6 отправились в Вятскую школу, 16 были переведены в немецкую и латинскую школы Екатеринбурга, 5 — в арифметическую школу Кунгура, 1 сбежал от учения. Трое детей подьячих были распределены к делам: один в Пермскую земскую контору, двое — в Кунгурскую провинциальную канцелярию, потом еще пятеро были отданы туда для письма, причем дети духовенства от 10 до 14 лет. Наконец, в 1740 г. после вмешательства Синода и Генерал-берг-директориума 12 учеников были отправлены для продолжения обучения в Вятскую архиерейскую школу.

Источники

1. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 577а, 602, 624, 625, 678, 691, 737, 756, 808, 816, 820, 857, 907; Оп. 12. Д. 43, 44, 217, 227, 244, 264, 265, 276, 268, 283.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 6, № 3718, 3854, 3932, 4021.

А. М. Сафронова

3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133; Оп. 22. Д. 1036, 1528, 1531.

Литература

1. Будрин В. И. Горнозаводские школы Урала в XVIII в. и в начале XIX в. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга–Свердловска (26–29 мая 1948 г.). Свердловск, 1950. С. 45–98.
2. Нечаев Н. В. Школы при горных заводах Урала в первой половине 18-го столетия: К истории профессионального образования в России. М., 1944.
3. Сафронова А. М. Документы органов управления промышленностью России как источник о горнозаводских школах Урала первой половины XVIII в. Екатеринбург, 2014.
4. Сафронова А. М. Первые арифметические школы Урала (1721–1725) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 1. С. 118–132. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.008
5. Сафронова А. М. Первые иноязычные школы раннего Екатеринбурга (1735–1750-е гг.). Екатеринбург, 2020 // Электронный научный архив УрФУ. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94787/3/978-5-7996-3155-0_2020.pdf (дата обращения: 05.09.2022).
6. Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

Alevtina M. Safronova

KUNGUR GRAMMAR SCHOOL: COMPOSITION OF STUDENTS AND THEIR FATE (1736–1740)

Abstract: This article is based on a set of archive documents introduced into scientific circulation, and comparative analysis of census data, as well as student's progress reports. The paper is the first to reconstruct the organization and activities of the Kungur word school, about which nothing is known in the literature. The author reveals a special position of this educational institution, initiated by V. N. Tatishchev, in the system of Mining authorities' schools. It was the only school acting in a town rather than in a factory settlement, that subordinated not to the factory office, but to the Perm Zemstvo. The school was distinguished by a special social structure of its pupils, children of clerks, priests and churchmen who lived in the territory of the Kungur district. While the children of factory workers, who constituted the majority in mining schools, began their school education with the alphabet with a rare exception, 60 % of the Kungur school pupils were taught to read and write at home. The peculiarity of enrollment to this school was a high proportion of young men from 15 to 20 years old. Only in this school the students did not receive any state salary. Most of them were taken from villages and forts of the Kungur district, and all the students, including orphans, studied away from home without any support from the Mining authorities. Meanwhile both clergy and clerks could assign their sons to the service at their own will, rather than at the behest of the authorities. At the same time the Chancellery of the Chief Mining Authorities tried to control the assignment of apprentices.

Словесная школа Кунгура: состав учащихся и их судьба (1736–1740)

It sent the Kungur schoolchildren to enter the German and Latin schools in Ekaterinburg, so it was not earlier than 1740 that pupils in Kungur began learning arithmetic. The author managed to determine the fate of most of the students from that school: the number of those dismissed to the Vyatka Bishop's school in 1736, and those transferred to the German and Latin schools of Ekaterinburg and also them who continued their studies at the Kungur Arithmetic school and were assigned to the Perm Land Office and Perm Provincial Office. The school ceased to operate in 1740 as a result of prohibition to teach the children of clergy in mining schools, received from the Governing Synod and the General-Berg Direktorium. Further research is needed to discover the fate of the last six pupils who remained in the school after the dismissal and sending to Vyatka Bishop's school 15 clergy children in 1740.

Keywords: *V. N. Tatishchev, the Urals, mining schools, Kungur Grammar school, composition of students, fate of students*

Citation: Safronova A. M. Slovesnaia shkola Kungura: sostav uchashchikhsia i ikh sud'ba (1736–1740) [Kungur Grammar School: Composition of Students and Their Fate (1736–1740)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2022, no. 40, pp. 87–114. DOI: 10.24412/2224-5391-2022-40-87-114

About the author: Safronova Alevtina Mikhailovna — Dr. hab. (History), Professor, Department of Documentation, Archival Science and History of Public Administration in the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Eltsin, ORCID: 0000-0002-4692-3025 (Russia, Ekaterinburg). *E-mail:* Alevtina.Safronova@gmail.com

Submitted on 06 September, 2022

Accepted on 22 November, 2022

References

1. Budrin V. I. Gornozavodskie shkoly Urala v XVIII v. i v nachale XIX v. [Mining Schools of the Urals in the 18th and at the Beginning of 19th Century]. *Materialy vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga–Sverdlovsk* [Materials of the Second Scientific Conference on the History of Ekaterinburg–Sverdlovsk]. Sverdlovsk, 1950, pp. 45–98.
2. Nechaev N. V. *Shkoly pri gornykh zavodakh Urala v pervoi polovine 18-go stoletia: K istorii professional'nogo obrazovaniia v Rossii* [Schools at the Ural Mining Plants in the First Half of the 18th Century: On the History of Vocational Education in Russia]. Moscow, 1944.
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Saint Petersburg, 1830, vol. 6, nos. 3718; 3854, 3932, 4021.
4. Safronova A. M. *Dokumenty organov upravleniia promyshlennost'iu Rossii kak istochnik o gornozavodskikh shkolakh Urala pervoi poloviny XVIII v.* [Documents of Russian Industrial Authorities as a Source on Mining Schools in the Urals in the First Half of the 18th Century]. Ekaterinburg, 2014.
5. Safronova A. M. *Pervye arifmeticheskie shkoly Urala (1721–1725)* [The First Arithmetic Schools in the Urals (1721–1725)]. *Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Serii 2: Gu-*

A. M. Сафронова

manitarnye nauki — Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 118–132. DOI: 10.15826/izv2.2022.24.1.008

6. Safronova A. M. *Pervye inoiazychnye shkoly rannego Ekaterinburga (1735–1750-e gg.)* [The First Foreign-Language Schools of Early Ekaterinburg (1735–1750s)]. Ekaterinburg, 2020. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94787/3/978-5-7996-3155-0_2020.pdf (accessed: 05.09.2022).

7. *Ural'skaia istoricheskaia entsiklopediia* [Ural Historical Encyclopedia]. Ekaterinburg, 2000.